

Иван Алексеевич Бунин

НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

На вокзале не было обычной суматохи: наступила святая ночь. Когда прошел курьерский девятичасовой поезд, все поспешили закончить только самые неотложные дела, чтобы поскорее разойтись по квартирам, вымыться, надеть все чистое и в семье, с облегченным сердцем, дожидаться праздника, отдохнуть хоть ненадолго от беспорядочной жизни.

Полутемная зала третьего класса, всегда переполненная людьми, гулом настойчивого говора, тяжелым теплым воздухом, теперь была пуста и прибрана. В отворенные окна и двери веяло свежестью южной ночи. В углу восковые свечи слабо озаряли аналой и золотые иконы, и среди них грустно глядел темный лик спасителя. Лампада красного стекла тихо покачивалась перед ним, по золотому окладу двигались полосы сумрака и света...

Проезжим мужикам из голодающей губернии некуда было пойти приготовиться к празднику. Они сидели в темноте, на конце длинной платформы.

Они чувствовали себя где-то страшно далеко от родных мест, среди чужих людей, под чужим небом. Первый раз в жизни им пришлось двинуться на "низы", на дальние заработки. Они всего боялись и даже перед носильщиками неловко и торопливо сдергивали свои растрепанные шапки. Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока к ним выйдет тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станции (они уже успели прозвать его "кочетком") и строго объявит, когда и какой товарный поезд потянет их на Харцызскую. Со скуки они весь день проспали.

Надвигались тучи. Изредка обдавал теплый благовонный ветер, запах распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, неся с ближнего болота злорадный хохот лягушек и, как всякий непрерывный звук, не нарушал тишины. Направо едва-едва светил закат; тускло поблескивая, убегали туда рельсы. Налево уже стояла синяя темнота. Огонек диска висел в воздухе одинокой зеленовато-бледной звездочкой. Оттуда, с неизвестных степных мест, шла ночь...

- Ох, должно, не скоро еще! - шепотом сказал один, полулежавший около вокзальных ведер, и протяжно зевнул.

- Служба-то? - отозвался другой. - Должно, не скоро. Теперь не более семи. - А то и всех восемь наберется, - добавил третий. Всем было тяжело. Только один не хотел сознаться в этом.

- Ай соскучился? А-а-а... - зевнул он, передразнивая первого говорившего. - Гляди, ребята, заревет еще, пожалуй!

- Будя, Кирюх, буравить-то, - серьезно ответил первый и деловым тоном обратился к соседу: - Парменыч, поди глянь на часы, ты письменный.

Парменыч отозвался добрым слабым голосом:

- Не уразумею, малый, по тутошним, все сбиваюсь: целых три стрелки.

- Да ай не все равно? - опять заметил Кирилл насмешливо. - Хушь смотри, хушь не смотри - одна честь...

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко обнимала все. Старик открыл трубку, помял пальцем красневший в ней огонь и на время так жарко раскурил ее, что смутно осветил свои седые солдатские усы и ворот зипуна. На мгновение выступили из мрака и белая рубаха лежащего на животе Кирилла, и заскорузлые, изорванные полушубки двух других пожилых мужиков. Потом он закрыл трубку, попыхтел и покосился влево, на своего племянника. Тот дремал. Длинные худые ноги его, завернутые в белые суконные портянки, лежали без движения; по очертаниям худощавого тела было видно, что это совсем еще мальчик, истомленный и до времени вытянувшийся на работе.

- Федор, спишь? - тихо окликнул его старик.

- Н-нет, - ответил тот сиплым голосом.

Старик ласково наклонился к нему и, улыбаясь, шепотом спросил:

- Ай соскучился?

Ответ последовал не сразу:

- Чего ж мне скучать?

- Да ну! Ты скажи, не бойся.

- Я и так не боюсь.

- То-то, мол, не таись...